

4. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собр. соч. в 12-ти т. Свердловск, 1951. Т. 12. С.167, 170-171; Зеленин Д.К. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Великорусские сказки Пермской губернии. М., 1991. С.12-14; Швецов В., Петров К. Из прошлого Южно-Уральских заводов // Записки Златоустовского окружного общества краеведения. Златоуст, 1927. Вып 2. С.27-29.

5. Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор /Собрал и составил В.П.Бирюков. Свердловск, 1953. С.201-203.

6. Некоторые вопросы литературного творчества (беседы с П.П.Бажовым) //Уральский современник. Свердловск, 1951. Вып.20. С.163.

7. Кабузан В.М. Население Урала в 20-60-х гг. XVIII в.: численность, размещение, этнический состав // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С.49, 53; Яцунский Б.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724-1916 гг. // История СССР. М., 1957. № 1. С.203-204, 210-211, 215.

8. Струмилин С.Г. История чёрной металлургии в СССР. М., 1954. Т.1. С.134.

9. Миненко Н.А. Русская этнокультурная традиция на востоке России, XVIII - первая половина XIX в. // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С.52.

10. Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX в. Пермь, 1991. С.18.

А.В.ГОЛОВНЕВ (Екатеринбург)

ПУТЬ В МАНГАЗЕЮ

В буквальном значении это путь (сеть морских и сухопутных дорог) с Русского Севера к Мангазею - сибирской "Колхиде мягкой рухляди" XVI-XVII столетий. В историческом измерении это путь первоначального русского освоения Сибири, открытый за несколько столетий до похода Ермака. "Тулящие" и "промышленные" люди с Русского Севера не рубили острогов, а создавали перевалочные базы, с годами превращавшиеся в торговые и поселенческие центры. Когда русские сборщики ясака в 1607 г. впервые составляли списки енисейских самоедов, они обнаружили в составе туземцев род Яши Вологжанина.[1] Не ясно, был ли еще жив Яша и где он находился, среди самоедов или в родной Вологде; очевидно лишь то, что задолго до появления "служилых людей" он оставил неизгладимый русский след на туземном Севере.

Не вполне ясно и другое: чью сторону в противостоянии московских воевод и самоедов принял Яша или его наследники. С давних пор выходцы с вольного Русского Севера частенько делали выбор в пользу собственных, а не правительственных интересов. Еще в 1193 г. поход новгородского воеводы Ядрея в Югру обернулся поражением во многом благодаря тому, что "изменник Савка" (возможно, не он один) "держал перевет к югорскому князю".[2] С тех пор северо-русские и северо-туземцы то воевали друг с другом (например, в 1363-1364 гг.), то торговали (в Новгороде существовала корпорация "Югорщина"), то обзаводились совместным потомством (как видно на примере Яши Вологжанина). Их полутысячелетний (начавшийся, по Повести Временных Лет, не позднее 1096 г.) диалог был нарушен вмешательством Москвы, и конец XVI в. стал трагичным для всех северян: в 1570 г. рать Ивана Грозного окончательно разгромила Великий Новгород, а через пару десятков лет московские воеводы добрались до Обского Севера.

К тому времени Сибирский Север в пространстве от Урала до Енисея был хорошо освоен северо-русскими и коми-зырянскими, "которые жили по рекам Двине и Печоре и в поисках соболей и для торговли часто ходили в эти места (Мангазею); некоторые из них тайно собирали ясак с тамошних самоедов в свою пользу..."[3] Не

удивительно, что отряд князя Мирона Шаховского, отправившийся в 1600 г. покорять Мангазею, был разбит в устье Таза самоедами, "которых, как полагали, подучили зыряне" Вероятно, не только зыряне сражение случилось совсем неподалеку от владений рода Яши Вологжанина.

Новые казачьи отряды прибыли на помощь князю Шаховскому, и посреди вольной земли Мангазеи был срублен Мангазейский острог. Отныне казаки стерегли пути, по которым издавна путешествовали русские северяне. Москве удалось противопоставить одну вольницу другой, казачью - поморской. Прежде первые, казаки, бежали от Московских властей на юг в дикое поле, другие, поморы, - на север в дикую тундру. Трудно сказать, в ком из них, северянах или южанах, был ярче выражен дух подвижничества и авантюризма. Прокладывая пути за Урал, северяне делали ставку на торговлю, южане - на военную силу, хотя ни те ни другие не пренебрегали "промежуточными средствами" - ушкуйничеством на севере и грабежами на юге. Со временем и те и другие были вынуждены подчиниться державной воле Москвы, хотя долгое время северный чрезкаменный путь оставался вне сферы реального влияния официальных властей. Именно по нему с Русского Севера шел первоначальный поток вольных переселенцев в Сибирь. За пределами контроля Москвы оставался и морской путь в Мангазею. Им, как прежде, владели русские поморы, хотя все чаще в Баренцево и Карское моря пробивались английские и голландские мореплаватели. Когда в 1556 г. Стефан Бэрроу на "Серчрифте" вошел в пролив Карские Ворота (связывающий Баренцево и Карское моря), он встретил флотилию русских поморов, охотившихся в окрестных водах на моржей и белых медведей. Русский кормчий Лошак сообщил мистеру Бэрроу, что собирается идти в Обскую губу промыслять морского зверя и готов провести за собой английское судно. Из-за шторма англичане потеряли из виду поморский коч и, наткнувшись на плотные льды, повернули назад. [4] Остается лишь гадать, повезло ли в то лето Лошаку, однако его детальные знания навигации и самоедских нравов не оставляют сомнений в обычае русских поморов совершать регулярные морские рейды за Урал.

Будучи не в ладах с мореходством и не в силах освоить северный морской путь, Москва запретила его использование (1620г.) [5], чем в немалой степени способствовала упадку Мангазеи. Тем поразительнее свидетельства о том, что до XX в. Мангазейский морской путь оставался реальностью, по крайней мере для сибирских туземцев, северорусских и иностранных купцов. В начале 1930-х гг. сотрудники ОГПУ узнали, что в захолустном Ларьякском районе (в междуречье Оби, Таза и Енисея), куда с опозданием на десять лет дошла весть об Октябрьской революции, живет остяцкий князь Шата, который дважды (в 1924 и 1928 гг.) гостил в Норвегии, продавал там пушнину и привез домой памятный подарок от скандинавских друзей - нож в золотой оправе. [6] Когда я пересказал этот курьез моим коллегам-антропологам из музея Тромсё (Северная Норвегия), один из них ответил, что его дед-мореход примерно в те же годы не раз бывал на Енисее.

Создается впечатление, что в течение столетий на Русско-Сибирском Севере текла своя история, отстраненная от истории столиц. Не только потому, что сюда с большим трудом и неохотой добирались южные чиновники, но и потому, что у Севера существовали свои особенные нравы и традиции, свои пути сообщения и нормы межэтнических связей. Северорусско-сибирские отношения вдвое старше московско-сибирских: новгородцы путешествовали в Югру и Самоедь уже в XI в. (возможно и

раньше), москвичи добрались до Сибири в XV-XVI вв. Северорусское (новгородско-поморское) проникновение за Урал имело торгово-промысловый характер, московское - военно-административный. В этом отношении Мангазейский путь - надолго забытый (вследствие поражения и упадка Великого Новгорода), но замечательный по своей сути пример ненасильственного освоения новых пространств, установления взаимовыгодных и во многом паритетных связей между пришельцами (русскими) и туземцами (самодийцами и уграми). Не исключено, что особый характер первоначального освоения северными русскими Зауралья явился одним из ключевых факторов последующего феноменального сохранения и развития культур коренных народов западносибирской Субарктики.

Устойчивость Мангазейского пути как магистрали экономических и этнокультурных связей объясняется во многом тем, что он существовал и до русских. По нему прошли коми-зыряне, основавшие в средние века сеть поселений-факторий на Обь-Енисейском Севере. По нему расселялись и многократно переселялись в древнейшие эпохи предки самодийцев. С эпохи камня северное Приуралье было основным, наряду с таежным Приобьем, источником заселения западносибирской Субарктики. Если с этой позиции обратиться к археологии, то более чем уместными окажутся суждения В.С.Стоколоса о близости ранних памятников Ямала (бухта Находка) чужьяельской культуре позднего неолита и энеолита Северного Приуралья[7], М.Ф.Косарева о самодийской принадлежности ямочно-гребенчатых культур При- и Зауралья в период от неолита до железного века[8], М.М.Кагана и В.В.Питулько о существовании в I тыс. н.э. самобытной трансуральской заполярной общности[9]. Можно предполагать, что именно из Европейских тундр двигались в тундры Ямала древние первопроходцы Арктики, именуемые в ненецком фольклоре сихиртя[10].

Силуэт древнего субарктического пути, соединяющего Баренцево и Карское моря, запечатлен в картине расселения ненцев, чьи земли вытянуты по полосе тундры вдоль берегов северных морей от Северной Двины на западе до Таймыра на востоке. Система многостороннего общения позволила ненцам сложиться на огромной территории в единый, говорящий на одном языке, народ. Если бы "путь" выглядел иначе, то этнические территории оказались бы вытянутыми по меридиану или диагоналям; если бы его не существовало вообще, то вместо единой общности сложился бы kaleidoscope культур и этнических групп. Ненцы - это "ровная" часть пути, упирающаяся на востоке в необитаемую арктическую пустыню Таймыра, вблизи которой расселены "осколки" самодийской общности, энцы и нганасаны. На западе "ненецкий путь", миновав Белое море, переходит в другую ровную дорогу, ведущую по землям саамов через Колу в западную Скандинавию из Баренцева моря в Норвежское. Урало-скандинавский мир связан не только географически (морями и их побережьем), он состоит из двух близких по культуре этнических сообществ, саамов и самоедов. Примечательно, что название "самоеды" переводится с саамского языка как "земля людей"[11].

Единство древнего саамо-самоедского пространства выглядит еще более отчетливо при сопоставлении его с подобным палеоазиато-эскимосским пространством на севере восточной Азии и Америки. Каждая из общностей состоит из условных половин, разделенных морями (Белым морем и Беринговым проливом). Однако и здесь и там море оказывается не преградой, а мостом, через который тянутся живые этнокультурные связи саамов и самоедов, палеоазиатов и эскимосов. Реальной преградой между урало-скандинавским и азиатско-американским культурными мира-

ми явился огромный Таймыр с его пустынными северными тундрами и "мертвым" морем. Если к востоку и к западу от него этнические силуэты-пути пролегают широтно вдоль берегов северных морей, то в среднесибирском "подтаймырье" они ведут меридианально на юг, к прародине алтайских народов.

1. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке //ТИЭ, н.с. Т.55. М., 1960. С. 133.
2. Соловьев С.М. Сочинения. Кн 1. М., 1988. С.622-623.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937. С.309-310.
4. Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стифаном Бэрроу, командиром пинаксы под названием "Серчерифт" // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1938.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3, ч.1. Л., 1955. С.87
6. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Сборник документов. Тюмень, 1994. С.201.
7. Стоколос В.С. Чужьяельская культура //Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989. С.111.
8. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С.16.
9. Каган М.М., Питулько В.В. Этнокультурные процессы в I тыс. н.э. в трансуральском Заполярье // Ad Polus. Спб., 1993.
10. Golovnev A V An Ethnographic Reconstruction of the Economy of the Indigenous Maritime Culture of Northwestern Siberia. In: Arctic Anthropology. Vol.29, No1. 1992.
11. Долгих Б.О. Происхождение нганасанов //Сибирский этнографический сборник. I. ТИЭ, н.с. Т.18. М.-Л. 1952. С.66

Н.Л. ЖЕРЕБЦОВ (Сыктывкар)

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДА КОМИ (ЗЫРЯН) ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Древние коми (культура перми вычегодской) сформировались в X-XI вв. [1] Таким образом, грань XX и XXI вв. является своего рода рубежом первого тысячелетия существования народа коми (зырян). Цель настоящего доклада - указать, основные вехи историко-демографического развития коми на протяжении этого длительного периода. Древние коми населяли Вычегду, Вымь, Вишеру, Сысолу, Лузу, Вашку и, возможно, верхнюю Вятку, Юг и Малую Северную Двину, а затем (в конце XI - пер. пол. XII в.) их поселения, возможно, появились на берегах нижней Сухоны, верхней Ваги, Устья и Северной Двины ниже устья Вычегды. [2] В XI - начале XII вв. в бассейне Северной Двины появились первые русские переселенцы, но массового притока мигрантов с Руси в земли древних коми не было.

В XII в. приток русских переселенцев в бассейн Северной Двины усилился. [3] Этому способствовал более теплый климат, благоприятствовавший развитию на Севере земледелия. По мнению Л.Н. Жеребцова, именно в результате усиления притока иноэтничных переселенцев жившие на нижней Сухоне, Юге, Ваге и Северной Двине пермяне были, за небольшими исключениями, ассимилированы русскими. Некоторая часть древних коми могла под давлением русских переселенцев отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения. В частности, Л.Н. Жеребцов полагал, что в XIII в. пермяне появились на Вашке и Пинеге [4]. В XIII-XIV вв. русские переселенцы начали колонизацию низовьев Лузы и Вычегды. Даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, в ходе проводившейся Стефаном Пермским христианизации коми в 1380 г. возникло русское